

«Я ГНИЛЬ НЕ ВЫРАЩИВАЛ...»

Восьмидесятилетний старец из Арарата. Андраник Унанян. Белая голова, белая борода. Черные густые брови. Бронзовое от загара лицо испещрено глубокими и мелкими морщинками. Руки большие. Жилыстые. Говорит спокойно. Даже когда возмущается, он спокоен.

— Что же это получается? — спрашивает старец. — Вы тут в городе тогда, в апреле, спокойно небось спали, а я, весь мокрый, около каждого деревца всю ночь разжигал костры. До того продрог, что даже тепла от огня не чувствовал. Но кое-что все-таки спас. И так не только я. Так все. Вся, можно сказать, Араратская долина в ту проклятую ночь чуть ли не собственным дыханием согревала каждое деревце, каждый куст, каждую лозу. Снег с морозом, да еще в пору цветения, — это хуже пожара. Выстояли. Выходили. И вдруг тут, в Ереване, я вижу у магазина горы гнили. Приезжаю навестить правнуков и всегда с болью в сердце наблюдаю эту безрадостную картину. Креста на них нет — со спокойной душой грузят совковой лопатой эту самую гниль в мусорную машину. Приглядишься к горке: мятые гроздья винограда, помидоры, огурцы, персики. Откуда они? Я спрашиваю вас. Я гниль не выращивал. Я выращивал отборный виноград. И лозу грел той морозной ночью своим теплом. Я же знаю, что продрог потому, что тепло свое отдавал деревьям. И вдруг гниль. Это же, черт возьми, святотатство.

Андраник Унанян рассказывал мне не только о той морозной апрельской ночи, когда чуть ли не добрая половина будущего урожая республики погибла на корню. Он говорил о мытарствах года, связанных с засухой. О том, как поливали сады и огороды в основном в ночное время, чтобы поменьше было потеря воды от испарений. О том, как он, восьмидесятилетний старик, надрал уши председателю колхоза за то, что тот своевременно не забетонировал какой-то участок оросительного канала. И то и дело повторял, словно приговаривал: «И вдруг гниль. Я гниль не выращивал».

Крестьянин гниль не выращивал. И вот стоит у горки овощей и фруктов сомнительного качества этакий косматый небритый битюг в грязном халате и на вопрос, мол, почему продаете населению явно испорченный товар, рывкает, выплевывая окурки: «Не нравится — иди на базар. Это государственный фрукт».

Ни один здравомыслящий человек не будет утверждать, что кто-то специально портит продукцию. Кстати, об этом я говорил и с араратским старцем. Унанын не согласился. Он протестовал против такой постановки вопроса и пояснил свою мысль.

Никто, конечно, специально не топчет гроздья винограда и не бьет об стену каждой помидориной. Но каждый знает, что тот или иной товар в течение того или иного времени, особенно в летнюю пору, непременно испортится. Такова жизнь. Такова природа вещей. И никуда пока от этого не денешься. Остается одно: что-то предпринять. И тот, кто призван предпринимать «что-то» и не делает этого, тот, собственно, портит товар. Специально или не специально — это уже другой вопрос.

Под «что-то предпринимать» я понимаю: главное — вовремя реализовать скоропортящуюся продукцию. Как известно, хороший товар никогда не залеживается на прилавке. Залеживается плохой. В таком случае, откуда же он, плохой товар, появляется на прилавке? Ведь старец из Арарата, как он утверждает, выращивал отборный виноград.

Можно, конечно, все свалить на транспорт, на нарушение сроков транспортировки. Причина, разумеется, важная. Но она важная, когда речь идет о доставке, скажем, нежных ноябрьских персиков на Урал. О каких же сроках может идти речь, если транспортировка от колхозного поля до прилавка практически занимает считанные часы?

Беда в другом. После того как товар разложен в ящики и погружен в транспортное средство, никто не имеет права заниматься переборкой и сортировкой продукции. У нас же сплошь и рядом, начиная уже с поля, с грядки, идет, я бы сказал, многоэтажная сортировка. Случается, даже движущуюся машину берут на abordаж. Хорошо натренированные «вратари» ловят без промаха самые крупные арбузы, перекаладывают в «свои» ящики самые крупные помидоры и яблоки. То же самое происходит в магазине, куда чаще всего машина, с которой многократно снимали сливки, почему-то добирается к полуночи. И вот уже окончательно перебирают плоды этикие полуночники, обнаглевшие от безнаказанности.

К утру покупатель обнаруживает в государственных магазинах товар явного низкого сорта. И пока этот самый товар, лишенный товарного вида, не продадут, государство будет в проигрыше, ибо оно на него уже потратило немалые средства.

Но, как мы знаем, не вся продукция находит своего покупателя. Не все раскупается. Испорченный товар — это отходы, мусор. Для того чтобы убирать мусор, нужны дополнительные средства. Никто же не будет бесплатно грузить и разгружать мусор. Нужны, конечно, и дополнительные транспортные средства. И нужно очищать помещение и территорию своевременно, иначе хлопот не оберешься с санинспекцией.

Где же отобранный товар? Куда порой направляются с полей колхозов и совхозов ароматные фрукты, выращенные Андраником Унаняном? Ведь зачастую они, машины эти, даже и не доходят до государственных магазинов. Вопрос не простой.

В системе коопторга есть так называемые комиссионные магазины. Учреждены они для того, чтобы в организованном порядке покупать у колхозника, у частника излишки. Мало ли какое бывает везение у частника. Год выдался урожайным, и ему буквально некуда девать свой товар. Вот тут-то и приходит на помощь комиссионная система. Задумано умно. Удобно для людей, которых освобождают от хлопот, связанных с процессом торговли у прилавка.

С Андраником Унаняном, по его просьбе, мы объездили многие комиссионные магазины. Несмотря на преклонный возраст, он был исключительно активным. Всякий раз повторял:

— Одно мне непонятно. Год выдался трагический — я из своего сада в этом году не собрал и четверти обычной нормы. Откуда же это изобилие в комиссионных магазинах? Ведь не только мой пострадал. Все сады пострадали. Откуда же такое количество излишков?

Со стариком мы побывали и в государственных магазинах. Хоть шаром покати. Справедливости ради надо сказать, что даже в истекшем, действительно трагическом для сельского хозяйства году в государственных магазинах, на удивление покупателей, не всегда было пусто. Иные даже выражали свое удивление в письмах, отправленных в редакции газет. Мол, не ошиблись ли специалисты в своих прогнозах, о которых так много говорилось и писалось сразу после чудовищного апрельского снегопада?

Не все, наверное, знали, что были резко сокращены плановые поставки консервным заводам. Словом, было сделано все,

чтобы не пострадало население. Тем не менее в государственных магазинах было зачастую пусто, а в то же самое время прилавки комиссионных ломились от обилия «даров природы». Нетрудно догадаться: сюда поступали те самые отборные и отобранные у государственного сектора фрукты и овощи.

— Выходит, — говорит араратский старец, — купленный за тридцать — сорок копеек наш колхозный отличный виноград попал не туда, куда нужно. И теперь мой правнук должен покупать для себя «комиссионный» за два рубля. Я-то своему Смба-ту привезу виноград. Так что я не о нем. Я о других.

В народе говорят: «Осла, которого ты купил за стоимость огурца, найдешь когда-нибудь утонувшим». Ее громко произнес уже полюбившийся мне Андраник Унанян, с которым, опять же по его требованию, мы посетили рынки. Пословицу он произнес, узнав, что килограмм огурцов в осеннюю пору стоит три рубля. И уж совсем старик развел руками, когда ему сказали, что репчатый лук — два рубля.

Мы сидим в кабинете директора рынка Карлоса Саакяна. Человек он атлетического сложения. Старик чуть ли не с ходу набросился на директора, словно тот был виноват в том, что килограмм лука на базаре равняется по своей цене тринадцати буханкам хлеба. Саакян рассказал нам:

— На рынке у нас есть государственные магазины. Они не случайно расположены непосредственно на территории рынка и должны служить тому, чтобы сбивать рыночные цены, влиять на ценообразование. Но в них пусто. А на складах гниет лук. И чеснок превращается в вату, в труху.

— У вас на рынке есть и комиссионные магазины. Имеют ли они смысл, если в них овощи и фрукты продаются дороже, чем у частного...

— Эти магазины, можно сказать, изжили себя. Они действуют с обратным знаком. Вместо того чтобы сбивать рыночные цены — повышают их. Скажем, мандарины — три рубля. Твердая жесткая цена. Хорошие и плохие. Зеленые и желтые. Все одно. Естественно, частник, глядя на это, свой отменный товар меньше четырех-пяти рублей не продает... Без мандаринов еще можно жить. Вы лучше помогите нам с луком. Без лука хозяйка никак не может.

И мы поехали к министру торговли. Долго не мог понять хозяин кабинета, почему это писатель решил посетить его вместе с ветхим старцем. Трудно было вообще кому-либо объяснить, что именно как писатель я не мог отказать старому

крестьянину в просьбе совершить это редкостное путешествие по городу. Разговор с места в карьер начал Андраник Унанян. Прежде всего он пригласил меня и министра к себе в район, пообещав показать специально заготовленные кипы хвороста на случай, если будущей весной в пору цветения вдруг вновь нагрянет жестокая непогода. И завершил приглашение традиционной присказкой: «Я гниль не выращивал. Откуда гниль в магазинах?»

Министр хорошо понимал: какими бы риторическими ни были вопросы старика, в них не только боль, не только эмоции, но и, что называется, конкретика. А ему тем же не ответить. Вопрос, как говорится, комплексный. И тогда я спросил о луке.

— Да, на складах есть лук. Ранней осенью мы в буквальном смысле забили все торговые пункты репчатым луком. Покупали мешками...

— В том числе и те, кто теперь тот же семнадцатикопеечный лук продает на базаре по полтора-два рубля.

— Не исключено. Здесь мы одни уже бессильны что-либо сделать.

— Почему же, пока еще он имел хороший товарный вид, не продать весь, с тем чтобы население само запаслось им на зиму?

— Так, конечно, было бы куда легче. Но все ли имеют возможность хранить? Мы же не можем превращать квартиры в овощехранилища. Нас скорее беспокоит другое: сделать все, чтобы в зимнюю пору люди смогли купить необходимые овощи и фрукты.

— Не слишком ли дорогой ценой — превращая отборный товар в гниль?

— Слишком. Именно поэтому нам нужно думать о самой настоящей индустрии хранения сельскохозяйственной продукции. А пока большинство помещений по всей стране не выдерживают никакой критики. Проблема не только в хранилищах. В процессе торговли тоже нужна индустрия во всем. Тара. Расфасовка. Транспортировка. Даже такая деталь, как соковыжималка. Знаете, у нас, можно сказать, практически нет соковыжималок. Те, которые выпускаются, в среднем работают не больше двух недель. А ведь соки можно делать из великого множества продуктов. Вот я сказал о том, что мы не должны и не можем превращать свои квартиры в овощехранилища. Но нельзя же, наверное, ударяться в другую крайность. Проекти-

руя жилые дома, архитекторы редко когда задумываются над планировкой подвалов, чуланов, складских помещений. Нужно все это продумать заранее...

— Это сейчас появились холодильники да парники, — вмешался в разговор Андраник Унанян, — а в наше время ничего похожего не было. И мы никаких фруктов и овощей зимой и вообще до нового урожая не видели. Но зато консервировали в домашних условиях чуть ли не все, что дает земля. Запасали и соленья, и сушеные фрукты. А сейчас хотят непременно иметь зимой на столе свежие продукты. Только ведь это все самообман. В любом случае — не свежие они. Прошлогодние. Пусть хоть половина заготовленного сгниет, зато вторая половина, мол, в свежем виде окажется на столе. В наше время все это называлось безобразием и расточительством. Уж если заведомо известно, что добрая половина сгниет, так не лучше ли не дожидаться этого? Консервировать. Скажу вам честно, люди моего возраста зимой не едят так называемые свежие фрукты. В хороших консервах больше пользы, чем в плодах, сохранных всеми правдами и неправдами. Когда в каком-то ящике перебирают плоды, когда выбрасывают вон прогнившие и оставляют уцелевшие, то, наверное, не задумываются, что эти самые уцелевшие нельзя назвать свежим продуктом. Это тоже гниль, но гниль завтрашняя. Подумайте об этом, товарищ министр...

И министр соглашается со стариком. Трудно не согласиться с самой мудростью.

Спору нет, свежие овощи всегда притягательны. Лучше, конечно, иметь на столе продукты в свежем виде. И тем не менее старик прав. Прав хотя бы потому, что действительно «завтрашнюю гниль», так сказать, потенциальную гниль, нельзя назвать свежими продуктами со всеми присущими им преимуществами. Специалисты утверждают, что «чрезмерно длительная варка или несоблюдение правил хранения свежих продуктов резко снижают их качество с точки зрения питательной ценности».

Араратского старца я пригласил к себе домой. Пили чай. Зардевшись, старик просил хозяйку дома налить второй стакан, как он сказал, погуще. Если чай некрепкий — это самообман. Я обратил внимание, что дедушка Андраник довольно часто произносит слово «самообман». «Всех можно обмануть, — не раз повторял он, — но только не самого себя». Я спросил его:

— Как вы понимаете слово «самообман»?

— По-разному, — ответил старик, — но чаще всего — это когда видишь безобразие и молчишь. Думаешь, что кто-то за тебя исправит дело. Вот район наш похвалили, знамя вручили: план мы выполнили. Радость большая. Так и в старину бывало. Праздники урожая идут из глубины веков. Поздравили нас. Наградили. Меня тоже наградили. И премию дали. За то, что план выполнил. И даже перевыполнил. На целый процент. Только вот приехал я навестить внука и увидел своими глазами, во что люди превратили мой перевыполненный план, этот самый процент. И небось никто не наказан. Выходит, на один процент перевыполнил план — тебе почет и уважение. Меня даже посадили в президиуме. Как почетного человека. А вот кто-то весь мой труд коту под хвост — и остался безнаказанным. Это не просто самообман. Это большой самообман...